

УДК 343.23

Т.И. НАГАЕВА,
кандидат юридических наук

Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

ОСОЗНАННОСТЬ И ВОЛИМОСТЬ КАК ПРИЗНАКИ ДЕЯНИЯ В ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье исследуются вопросы связи объективной и субъективной сторон состава преступления. На основе критического анализа суждений специалистов по исследуемой проблеме автор приходит к оригинальным выводам о характеристике поведенческого акта преступника.

Наличие осознанности и волимости у деяния как признака объективной стороны состава преступления в уголовно-правовом учении является аксиоматичным. В связи с этим нет значительного практического смысла в том, чтобы приводить бесконечный ряд соответствующих (ставших традиционными) высказываний российских ученых. В то же время рассуждения различных авторов, цепи научных умозаключений на эту тему приводят их к выводам, которые все еще нуждаются в осмыслении, а иногда и в критичном к ним отношении.

С точки зрения общей психологии, воля – это способность человека определить осознанное отношение к тем или иным явлениям природы или общества, способность действовать осознанно в направлении избранной воли. Только тот поступок является волевым, который совершается с осознанными целями [1, 2, 3].

Казалось бы, достижения психологической науки позволяют нам опираться на нее в своих выводах и не трудиться над обоснованием осознанного характера волевого поведения.

Однако, по мнению Г.В. Тимейко, не следует отождествлять волю с осознанием. "Если воля означает способность человека к целенаправленным действиям и условно может быть выделена как одна из функций психической деятельности человека, то осознание есть продукт его общественно-исторического развития. Сознание не является отдельной функцией, которую можно было бы условно выделить по-

добно памяти, вниманию, мышлению, воле и противопоставить им. Признаками осознания являются деятельное активное состояние психики, способность объективно отражать явления природы, целостность психических процессов" [4, с. 29].

Итак, осознание и волю не следует отождествлять, но и нельзя противопоставлять. Видимо, Г.В. Тимейко имел в виду то, что осознание и воля – это такие качества личности, которые отражают ее различные состояния. Одно из них (воля) отражает функциональную сторону психической деятельности, а другое (осознание) является своего рода социально-историческим качеством личности.

С другой стороны, если признаками осознания является активное состояние психики, способность объективно (видимо, адекватно) отражать окружающий мир, то трудно представить себе, в чем проявляется "активность" состояния психики, если не в волимости.

И все же сам Г.В. Тимейко сформулировал выводы, которые свидетельствуют именно о противопоставлении рассматриваемых им понятий. "В большинстве случаев бездействие является осознанным волевым поведением. Однако не всякое бездействие, влекущее уголовную ответственность, обязательно должно быть осознанным поведением. Преступное бездействие, явившееся результатом неосмотрительности, забывчивости или невнимательности, лишено осознанности. В этом случае субъект не

сознает самого факта бездействия, хотя должен был и мог это сознавать" [4, с. 34].

Кроме того, по мнению Г.В. Тимейко, характеристика преступного поведения иногда не зависит и от признака волимости. "Преступное бездействие – по общему правилу волевое поведение. Однако оно может быть лишено сознания и воли. Человек отвечает и должен отвечать не только за волевое бездействие, то есть за сознательное торможение общественно необходимой деятельности, но и за бездействие неволевого, но лишь в том случае, если он мог разобраться в обстановке и совершить то действие, которое от него требовалось, при проявлении максимума доступной ему энергии и активности, или хотя бы не более той общеобязательной предусмотрительности, проявление которой ожидается от определенной категории лиц" [4, с. 34].

В этом высказывании со всей очевидностью проявляется стремление Г.В. Тимейко увязать трактовку деяния как поведенческого акта (объективного факта социальной действительности) с субъективными признаками деяния, в частности с виной. В одном случае признак осознанности уступает место социальной оценке упречности поведения ("должен был и мог это сознавать") в духе оценочной теории вины. В другом случае признак волимости подменяется психологическим признаком вины согласно классической трактовке неосторожности в дореволюционном российском уголовном праве [5].

В приведенных выше выводах указанный автор вступил в противоречие в положении, которое было сформулировано Н.Д. Дурмановым и на которое он сам опирался в другой части своих рассуждений. Согласно позиции Н.Д. Дурманова, для определения деяния как акта человеческого поведения достаточно, чтобы поступок направлялся волей, но не существенно субъективное отношение к последствиям. Это имеет решающее значение для определения виновности, но не для установления конкретного волевого поступка [6]. Поддерживая эту позицию, Г.В. Тимейко продолжил мысль: "Волевое объективно общественно опасное действие (бездействие) может быть умышленным, неосторожным и невиновным".

Однако в своих дальнейших выкладках он прочно встал на позицию, согласно которой осознанный и волевой характер преступного поведения определяется именно через вину. "Любая деятельность человека только тогда будет преступной и уголовно наказуемой, когда в ней объективно проявляется его виновность" [4, с. 34]. В подтверждение этого вывода указанный автор сослался на высказывание Н.С. Таганцева: "Лицо, обладающее способностью ко вменению, только тогда бездействует преступно, когда в этом поведении находит объективное проявление его виновность" [7].

Приведенный аргумент нуждается в пояснениях.

Способность ко вменению не имеет отношения к признакам внешней (объективной) стороны поведенческого акта как реального жизненного факта и действия как юридического факта. И, конечно, способность ко вменению не имеет ничего общего с характеристикой волевого и сознательного поведения.

В классическом российском уголовном праве способность ко вменению являлась ничем иным как статусной характеристикой субъекта преступления, отражающая такое его социальное и психическое состояние, которое определяет его способность нести уголовную ответственность, выступать ее субъектом.

В ряде случаев для решения вопроса о способности ко вменению не требовалось никаких психологических критериев, признаков, определяющих реальные субъективные свойства реальных людей. Достаточно было ограничиться законодательной оценкой способности ко вменению отдельных социальных групп применительно к вопросу об ответственности за определенные преступления.

Например, согласно ст. 98 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., невменяемыми признавались глухонемые от рождения (или с детства), "если они не получили через обращение с другими людьми надлежащего понятия о своих обязанностях".

Согласно ст. 168 этого Уложения, лицами с неразвитой способностью ко вменению признавались лица, находящиеся в состоянии дикости

(в том числе, "самоеды"). Таким образом, они признавались не способными выступать субъектами ответственности за совершение предусмотренного этой статьей деяния.

К этой же категории относились лица, совершившие преступление в состоянии суеверного невежества. В соответствии с п. 4 ст. 134 Уложения о наказаниях (Общая часть) крайнее невежество, определяющее неразвитую способность ко вменению, предусматривалось как обстоятельство, смягчающее наказание. Согласно ст. 234 Уложения, статус лица с неразвитой способностью ко вменению вследствие суеверного невежества предусматривался как формальное препятствие вменению за "разрытие могил".

Утрата способности ко вменению определяла также статус лиц с ненормальным состоянием организма, влияющим на душевную деятельность (голод, страсти, сонные состояния, одряхление); лиц с болезненными состояниями организма, производящими психические расстройства (психосоматические проблемы полового созревания, беременность, роды, послеродовые состояния, нервные болезни); лиц, страдающих психическими заболеваниями [8].

Таким образом, посредством понятия способности ко вменению определялись различные статусы субъектов уголовной ответственности (развитая, неразвитая и утраченная способность), в соответствии с которыми ответственность дифференцировалась.

В этом контексте, смысл приведенного выше высказывания Н.С. Таганцева заключается в следующем: никто не может быть привлечен к уголовной ответственности (в данном случае – за бездействие) без вины.

По существу, и сам Г.В. Тимейко сформулировал буквально аналогичное положение. Однако в контексте его рассуждений оно воспринимается в ином смысле: осознанность и волимость присутствуют в виновном поведении; следовательно, для их определения необходимо обратиться к содержанию вины.

Подобных взглядов придерживались и некоторые другие ученые. Так, по убеждению В.Е. Мельниковой, осознанность и волимость преступного поведения так же, как и содержа-

ние вины, определяется субъективным отношением лица к своему деянию и его последствиям. В содержание этого субъективного отношения, по ее мнению, должна включаться оценка лицом общественной опасности своего поступка и его последствий [9].

Таким образом, и в этом случае характеристика деяния как факта действительности, жизненного обстоятельства, по существу, сводится к оценке его социальной значимости.

Много раньше эта идея была сформулирована Г.Р. Смолицким и выглядела она гораздо предметнее: особенности субъективной стороны могут корректировать (менять) объективный характер поведения. Например, бездействие теряет свой пассивный характер и может рассматриваться как действие, если невыполнение обязанностей допущено умышленно [10].

Более взвешенную позицию по этому вопросу занимает Н.Ф. Кузнецова, которая считает, что воля есть решимость тех или иных действий. Волевой процесс – психический процесс, начинающийся с осознания потребности до принятия решения [11].

По мнению А.П. Козлова, теория уголовного права старается смешать ("без особой нужды") все понятия (преступление, деяние, способ, вину и пр.) в одну массу и допускает, таким образом, формально-логическую ошибку, при которой возникает "круг в определении", когда действие определяется через субъективные признаки совершения преступления, и последние – через действие. Кроме того, указанный автор не без оснований полагает, что при подобном толковании деяния допускается также ошибка "слишком широкого определения". В частности он отмечает: "Выделение класса "действие" с необходимостью влечет за собой вычленение только ему свойственных признаков, при этом мы полностью должны абстрагироваться от его взаимосвязи с другими классами до того момента, пока нам не понадобится их синтез. Исходя из сказанного, действие представляет собой только систему телодвижений и ничего более" [12, с. 200]. Бездействие, таким образом, представляет собой только отсутствие действия и ничего более [12, с. 208].

Представляется, что *поведенческий акт как внешнее жизненное обстоятельство нельзя оп-ределить признаками вины*. У деяния и вины как признаков, относящихся к различным элементам условной юридической конструкции (составу преступления), различные функции.

Объективное содержание жизненной ситуации преступления нуждается в наличии самого поведенческого акта, факта "содеяния", который на языке уголовного процесса называется "событием" преступления (ст. 24 УПК РФ). Оценка его общественно опасного и противоправного характера обусловлена содержанием других признаков состава преступления (объекта, предмета, способа, вины, мотива и цели субъекта и т.д.).

Такое распределение функций не отрицает диалектической связи между объективным и субъективным началом, объективными и субъективными признаками преступного поведения. Она также имеет психологическую природу. Однако связи объективной и субъективной сторон *состава преступления* условны, поскольку и сам состав преступления представляет собой условную (логическую) конструкцию. В силу условности этой конструкции в ней условно все: разделение и классификации признаков, а также их объединение или связь.

Б.С. Волков, конечно, был прав, утверждая, что в основе всякой действительности лежит волевой акт, который является не простым сознательным актом внешнего поведения, но актом, свободно избираемый человеком в пределах своего сознания и в условиях конкретной обстановки [13].

В то же время прежде, чем определять соотношение пределов человеческого сознания в условиях конкретной обстановки, объективно необходимо, как минимум, установить наличие просто сознательного акта внешнего поведения, того обстоятельства, которое является отправной точкой в установлении и развитии всех последующих связей и отношений.

Список литературы

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1956. – С. 378.
2. Обуховский К. Психология влечения человека. – М., 1977. – С. 37.
3. Общая психология / под ред. В.В. Богословского и А.Г. Ковалева. – М., 1973. – С. 100.
4. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-н/Д, 1977.
5. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. – Ярославль, 1909. – С. 498-502.
6. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М.-Л., 1948. – С. 39.
7. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Т. 1. – СПб., 1878. – С. 633.
8. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права: Часть Общая. Кн. I. – СПб., 1874. – С. 144.
9. Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. – М., 1994. – С. 132-133.
10. Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. – М., 1947. – С. 71.
11. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969. – С. 47.
12. Козлов А.П. Понятие преступления. – СПб., 2004. – С. 200.
13. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – М., 2004. – С. 27.

В редакцию материал поступил 28.05.09.

Ключевые слова: осознанность, волимость, волевое поведение, способность ко вменению.